

Особенности текста «Великое учение» («Да сюэ») в интерпретации Д. И. Фонвизина

Д. В. Цветков

Институт восточных рукописей РАН,
Российская Федерация, 191185, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 2

Для цитирования: Цветков Д. В. Особенности текста «Великое учение» («Да сюэ») в интерпретации Д. И. Фонвизина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2018. Т. 10. Вып. 3. С. 305–314. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2018.302>

Статья посвящена первому русскому переводу конфуцианского канонического текста «Да сюэ», выполненному в XVIII в. Денисом Ивановичем Фонвизиним и озаглавленному им «Та-Гио, или Великая наука, заключающая в себе высокую китайскую философию». Это первый перевод на русский язык рассматриваемого произведения. Целью статьи является детальный анализ этого перевода. Несмотря на то что перевод Фонвизина широко известен и неоднократно упоминался в различных работах, его анализом никто никогда не занимался. Призывы к осуществлению детального анализа перевода «Да сюэ», выполненного Д. И. Фонвизиним, публиковались как минимум два раза. В первый раз такая необходимость была высказана учеником второй Русской православной миссии в Пекине Алексеем Леонтьевым в предисловии к его переводу «Да сюэ». Второй раз — Артемом Игоревичем Кобзевым в статье «Судьба “Да сюэ” на Западе и в России». В основу исследования лег сравнительный анализ перевода Фонвизина, оригинального китайского текста, французской версии, с которой был сделан русский перевод, а также перевод, выполненный А. Л. Леонтьевым. В результате исследования было выявлено, что между переводом Фонвизина и оригинальной китайской версией имеется ряд существенных различий, в то время как перевод А. Л. Леонтьева более близок к оригинальному китайскому варианту. Было установлено, что отличия в переводе Фонвизина во многом совпадают с французской версией П.-М. Сибо. Это говорит о том, что П.-М. Сибо пытался усилить назидательный тон текста до того, как он был переведен Фонвизиним. Таким образом, статья претендует на роль первого специального исследования, посвященного анализу текста «Та-Гио, или Великая наука, заключающая в себе высокую китайскую философию».

Ключевые слова: Китай, источниковедение, текстологический анализ, культура России XVIII в., конфуцианство, межкультурные коммуникации.

«Великое учение» («Да сюэ», 大學) — классический конфуцианский текст, входящий в «Четверокнижие», часть корпуса конфуцианской канонической литературы. Единого мнения по поводу авторства этого произведения не существует. Основная часть исследователей считает, что его автор — Цзэн-цзы (505–436 гг. до н. э.), ученик Конфуция, уроженец княжества Лу. Другие приписывают текст более поздним авторам. Например, Го Можо считал, что «Да сюэ» написал Цзы Сы (V в. до н. э.), внук Конфуция [1, с. 205]. По мнению Фэн Юланя, его автором также могли быть ученики Мэн-цзы [2, с. 67]. Профессор Пекинского университета Ван Бо полагает, что это могли быть ученики Сюнь-цзы [3, с. 365]. Великий сунский мыс-

литель Чжу Си (1133–1200) считал автором «Да сюэ» самого Конфуция. Первоначально «Да сюэ» был составной частью конфуцианского текста «Ли цзи» («Записки о ритуале»), но при династии Сун (960–1279) братья Чэн И (1033–1107) и Чэн Хао (1023–1087) выделили его в отдельную книгу.

Впервые «Да сюэ» был переведен на европейский язык (латынь) в XVI в. католическими миссионерами М. Руджери и М. Риччи. Позже несколько вариантов перевода на латынь было сделано миссионерами А. Поссевино, П. Инторчетте, И. да Косте и др.

В России впервые выдержки из «Да сюэ» (опять же в переводе на латынь) были опубликованы в 1730 г. академиком Г. З. Байером (1694–1738) в его труде “*Museum Sinicum*” [4, p. 30].

Первые переводы «Да сюэ» на русский язык появились во второй половине XVIII в. Автором наиболее раннего из них является выдающийся русский писатель, философ, журналист и общественный деятель Денис Иванович Фонвизин (1745–1792). Выполненный им с французского языка перевод был опубликован анонимно в 1779 г. под названием «Та-Гио, или Великая наука, заключающая в себе высокую китайскую философию». Источником стал перевод, выполненный миссионером Пьером-Марсиалем Сибо (1727–1780). В 1776 г. П.-М. Сибо впервые перевел на французский язык с китайского все конфуцианское «Четверокнижие» и опубликовал его во втором томе “*Mémoires concernant l’histoire, les sciences, les arts, les mœurs, les usages, &c. des chinois*” («Записки, надлежащие до истории, наук, художеств, нравов, обычаев и проч. китайцев, сочиненныя проповедниками веры христианской в Пекине») [5], шеститомного издания, которое в течение многих лет являлось главным источником сведений о Китае не только во Франции, но и во всей Европе. Кроме Сибо, в написании этого труда принимали участие миссионер Жозеф Мари Амио (1718–1793), Франсуа Буржуа (1723–1792) и др. В 1785 г. «Записки» были полностью переведены на русский язык и опубликованы под редакцией Н. И. Новикова [6, с. 167]. Печатный вариант перевода хранится в РНБ (шифр хранения 18.8.2.13, отдел редких книг РНБ, отдел рукописей РНБ). Оцифрованный вариант книги находится в Президентской библиотеке им. Б. Н. Ельцина.

В 1777–1778 гг. Д. И. Фонвизин жил во Франции, где, по-видимому, и приобрел эту книгу. Он неслучайно решил перевести именно «Да сюэ». Во второй половине XVIII в. многие деятели русской культуры — Н. А. Новиков, А. Н. Радищев, Г. Р. Державин — обращались к примеру Китая для анализа российской действительности и, в частности, стиля правления императрицы Екатерины II (1762–1796), о чем писали многие исследователи: П. Е. Скачков [7, с. 20], О. Л. Фишман [8, с. 315], А. И. Кобзев [9], Лю Жо-мэй [10, с. 35]. Екатерина II пришла к власти в результате дворцового переворота, в ходе которого был убит ее супруг, император Петр III, и вопрос о ее легитимности как правителя был вполне логичен. К тому же скрытую критику в XVIII в. вызывал процветавший при дворе фаворитизм. Эта критика отражалась прежде всего в издаваемых в большом количестве публицистических произведениях назидательного характера.

Представление о Китае как стране, где правили мудрые императоры, опиравшиеся на помощь и советы образованных сановников, было привнесено в Европу миссионерами-иезуитами, которые в своих трудах приукрашивали китайскую действительность, стремясь обосновать близость конфуцианского учения с христианской идеологией [11, с. 286].

В 1780 г. ученик Русской православной миссии в Пекине Алексей Леонтьевич Леонтьев опубликовал свой перевод «Да сюэ», выполненный с маньчжурского языка. Перевод был напечатан в Петербурге, в типографии Императорской Академии наук. Это был первый научно выверенный русский перевод «Да сюэ» [12, с. 125].

Как отмечает российский китаевед А. И. Кобзев, «труд Д. И. Фонвизина можно считать издававшимся многократно, но до сих пор его прямое сличение с китайским оригиналом или переводом с такового не производилось, хотя призыв к этому был опубликован уже в 1780 г., в результате чего воспроизводятся неидентифицируемые транскрипции и ошибочные суждения о составе текста... А. Л. Леонтьев был вполне осведомлен о переводе Д. И. Фонвизина, завершив свое издание предложением (правда, воспроизведенным не во всем тираже) “любопытному читателю” сравнить оба перевода и “может получить больше удовольствия”, а следовательно, прекрасно понимал высвеченный знаменитым сатириком критический потенциал данного произведения в условиях тогдашней России» [9]. Целью нашей работы является детальный анализ перевода «Да сюэ», выполненного Д. И. Фонвизиним. Она претендует на роль первого специального исследования «Та-Гю, или Великой науки, заключающей в себе высокую китайскую философию».

В процессе сопоставления китайского текста «Да сюэ» с французским переводом П.-М. Сибо, а также с переводами Д. И. Фонвизина и А. Л. Леонтьева было установлено, что версия П.-М. Сибо и сделанный с нее перевод Фонвизина во многих местах существенно отличаются от китайского текста и выполненных с него переводов. Ниже приведено сравнение тех фрагментов, различия между которыми в разных версиях наиболее существенны.

О. Л. Фишман в монографии «Китай в Европе. Миф и реальность» утверждает, что Д. И. Фонвизин путем перекомпоновки фраз и добавления вставок стремился подчеркнуть назидательный тон произведения и даже усилить его. Например, в первом параграфе фразы «物有本末，事有終始，知所先後則近道矣» [13, с. 3] («Вещи имеют начало и конец, дела имеют начало и конец. Осознание наличие начала и конца есть приближение к Пути (Великой науке)») был переведен им как «Но горе тому, кто, примя за корень ветвя, за плоды листвья, смешивает существенное с посторонним и не различает способов от намерения. Здесь порядок должностей своих и ведать важности их цену есть начало премудрости» [14]. Однако, сравнивая текст Фонвизина с французским текстом Сибо, который выглядит так: «Mais malheur a qui, pregnant les branches pour la racine, les feuilles pour les truits, confound leffentiel avec laceffoire, & ne diftingue pas les moyens de la fin» [5] («Но горе тому, кто, принимая ветви за корни, листья за плоды, путает главное со второстепенным и до конца не различает средства. Здесь знание порядка должностей своих и знание их важности и есть начало мудрости»), становится ясно, что Фонвизин просто перевел этот фрагмент, т. е. сравнение с «корнем», «плодами», «листьями», а также «различие способов и намерений» и так далее было сделано Сибо. А. Л. Леонтьев перевел этот параграф ближе к китайскому оригиналу: «Всякой вещи есть начало, и есть конец; всякому делу есть начинание, и есть окончание; кто произшествие и последствие вещи и дела узнает, тот к пути спасения будет близок. Если знаешь, что раньше, а что позже, то приближаешься к Пути» [12, с. 2].

В третьем пункте четвертого параграфа фраза «《詩》云：「於戲前王不忘！」» [13, с. 13] («В “Каноне песен” сказано: “Ах! Государи прошлого не забыты”»)

была переведена Фонвизиним как «Ши-Кинг говорит еще: “О Уен-Уанг! о У-Уанг! до блаженных ваших царствований достигает мысль не иначе, как восходя сквозь многие людей роды; но кто не ведает вами соделанных чудес, и кто не наполнен о вас воспоминанием?”» [14]. У Сибо: “Le Chi-King dit encore: O Ouen-Ouang! O Ou-Ouang! Ce nest quen remontant a travers bien des generations quon parvient jusdua vos heureux regnes: mais qui en ignore les merveilles & nesy pas rempli de votre souvenir” [5]. А. Л. Леонтьев перевел этот фрагмент ближе к оригинальному китайскому тексту: «Глас стиха Да я! О! пречистый и пресветлый Вень Ван! ты единый возмог иметь пребывание на благоути и целомудрии, тихое и не колеблемое; ты, будучи госуда-рем, пребывал с милосердием» [12, с. 30].

У Фонвизина, так же как и у Сибо, полностью отсутствует перевод шестого параграфа: «此謂知本(所謂致知在格物, 言欲致吾之知, 在即物而穷其理也。盖人心之靈莫不有知, 而天下之物莫不有理, 惟于理有未穷, 故其知有不尽也。是以“大學”始教, 必使學者即凡天下之物。莫不因其已知之理而益穷之, 以求至乎其极。至于用力之久, 而一旦豁然貫通焉, 則眾物之表里精粗無到, 而吾心之全體大用無不明矣)。

此謂知之至也» [13, с. 17] («Это называется основа мудрости»).

Леонтьев же не только перевел его, но и написал к нему обширное толкование. «Так называемая мудрость заключается в знании вещей и полном познании себя, в приближении к вещам и постижении их принципа. У большинства людей душа не может не обладать мудростью, и поэтому вещи в Поднебесной не могут не обладать принципом, и только принцип неистощаем, и посему мудрость неиссякаема. В этом и заключается начало “Великой науки” — изучать вещи и явления в Поднебесной. Не может быть такого, чтобы, познав себя, нельзя было познать принципы всех вещей и явлений. Когда по прошествии долгого времени и затрате многих сил наконец понимаешь эту связь, нельзя не понять все стороны людей, и весь мой ум не может не прозреть. Это называется знание всех вещей. Это называется предел мудрости. Се есть знание начала и основания. Се есть знание, превосходящее вся знания» [12, с. 35].

К переводу этой фразы прилагается толкование, написанное самим Леонтьевым.

«Толкование:

Здесь вышняя слова ошибкою повторены, а нижняя содержат заключение вышним, и видно, что срединная между сим словами слова пропущены, и уповать должно, что в пятой части писано, как понимать вещи и как доходить знанием до совершенства, но ныне сего нет, и для того заменяется оное здесь рассуждением учителя Чендзыя следующим; Совершенное знание вещи зависит от совершенного проинициания вещи. Когда мы желаем знать какую вещь совершенно, должны ведать, что не инако познать вещь ту можеи, как сыскавши существенную ея истину, рассуждая так, что святости разума нашего того в свете, что бы могло от сведения ея укрыться; что под небом нет такой вещи, в которой бы собственной истины не было; и что у нас непознание какой вещи в совершенстве происходит только от несыскания существенной истины той вещи совершенного; ради сего учение великое с начала заставляет учащегося по познаванию в вещах истин углубляться паче и паче познаванием и доходить до совершенного познания. Нам по долговременном и усиленном упражнении, в одно мгновение открывается свет проинициания, свет разума, следовательно, и не могут от познаний наших таиться существа и качества вещей, какия бы ни были» [12, с. 35].

В седьмом параграфе в варианте Сибо и в версии Фонвизина фраза «十目所視，十手所指，其嚴乎» [13, с. 19] («Десять глаз смотрят, десять пальцев указывают, как это сурово!») приписывается Конфуцию («О, koliko должно от того охраняться, — вещает Конфуций, — что слепые видят и глухие слышат!» [14]; “O quil faut sobferver, difot Confucius, fur ce que les aveugles voyent & les fourds entendent” [4]), хотя в оригинальном китайском тексте ее произносит Цзэн-цзы. Вариант Леонтьева более близок к оригинальному китайскому тексту: «Речь Дзэндзыя, горе такому человеку, на котораго десять глаз смотрят и десять рук указывают» [12, с. 36]. Причины того, почему Сибо приписал эти слова Конфуцию, могут быть разные: это могла быть просто опечатка; Сибо мог предположить, что Цзэн-цзы — одно из наименований Конфуция, а не имя другого человека. Также вполне возможно, что, приписав это высказывание Конфуцию, Сибо стремился придать ему большее значение.

В десятом параграфе фраза «一家仁，一國兴仁；一家讓，一國興讓；一人貪戾，一國作亂。其機如此。此謂一言僨事，一人定國» [13, с. 26] («Если в одной семье царит человеколюбие — значит во всем государстве царит человеколюбие; если в одной семье царит уступчивость — во всем государстве царит уступчивость; если один человек жаден и творит насилие — во всем государстве царит смута. Такова их связь. Это называется “одно слово может расстроить дело, один человек может установить порядок в государстве”») в интерпретации Д. И. Фонвизина выглядит как: «Пример царской семьи еще действительно открывает любовь к добродетели и ту склонность ко благу, с которою все люди на свет рождаются. Если дружелюбие и снисхождение всех сердца в монаршем доме соединяет, то подражание оные возрастит, умножит и во всех семьях навсегда распространит. Но если неправосудие и злодейство туда вступят, тогда погибнет все; тогда искра сия произведет пожар и совершит всеобщую гибель. В сем разуме сказано: одно слово все погубить, один человек все спасти может» [14]. Этот вариант идентичен французскому тексту Сибо: “Le exemple de la famille du Prince developpe plus afficacement l amor pour la vertu & le penchant pour le bien que tous les homes portent en naissant. Si la cordialite & la deference y unissent tous les coeurs; limitation les reproduira, les multipliera & les perpetuera dans toutes les familles. Mais si linjustice & le crime y entrent; you test perdu; cette etincelle commencera lincendie & causera un embracement universel. Cest dans quil a ete dit: Un mot peut tout perdre, un home peut tout sauver” [5] («Пример царской семьи еще более явно показывает склонность к добродетели и то, что все люди рождаются склонными к благу. Если дружелюбие и милосердие объединяет сердца всех членов царской семьи, то многие будут им подражать, и среди других семей распространится. Но если несправедливость и преступность там окажутся, тогда все рухнет, искра эта произведет пожар, и все погибнет. Сие значит: одним словом можно все уничтожить, и один только человек может все спасти»). В варианте Сибо-Фонвизина иероглиф 家 (семья) был переведен как «Царская семья», хотя в оригинальном китайском тексте отсутствуют упоминания о правителях. Это отражено и в переводе Леонтьева: «Когда дом милосердный будет один, возстанет милосердие в целом государстве; когда явится дружелюбие в семье одной, вознесется дружелюбием весь народ; жаден, зол человек, един, а поднимается смятение в людях звания каждаго; и оныя следствия происходят всегда таким образом; дело портиться может одним утраченным словом,

государство спокойно бывает одним справедливым человеком» [12, с. 50]. Можно предположить, что Сибо специально перевел этот иероглиф как “*famille du Prince*”, чтобы подчеркнуть, что меняться должен в первую очередь глава государства.

В 11 главе, в 3 пункте, у Сибо и Фонвизина имеется вставка, где идет речь о войне, описанной в «Цинской клятве» (одной из глав «Канона песен»), которая отсутствует в оригинальном китайском тексте «Да Сюэ», а также в переводе Леонтьева. Фразу «*舅犯曰：「亡人無以為寶，仁親以為寶。」*» [13, с. 31] («Дядя Цзю сказал: “Изгнанник не имеет драгоценностей, только человеколюбие и родственность являются его драгоценностями”») Фонвизин перевел так: «Ответ премудрого Киеу¹ столько ж превосходен: законы призывали на престол его племянника по кончине царствовавшего его родителя. Государь, у коего сей наследник искал покровительства, обещал ему отворить путь к престолу. Все уверяли его, что медлением он всего лишиться может. “Проливай слезы, — сказал Киеу своему племяннику, — не помышляя ни о чем, оплакивай смерть своего родителя. Хотя ты изгнан и странствуешь, но великий долг сыновняя любви должен быть тебе драгоценнее короны”» [14]. Этот текст совпадает с вариантом Сибо: “*La reponse du fage Kieou n est pas moins belle: les Loix appelloient son neveu au Trone que lamort de son pere laissoit vuide. Le Roi chez qui il s etoit refuge, soffroit a lui en ouvrir le chemin, tout le monde l affuroit quil risquoit tout a differ. Noyez-vous dans vos larmes, dit l Oncle a son Neveu, ne vous occupez qu a pleurer la mort Pere. Quoiquexile & fugitive, ce grand devoir de la pieté filial doit vous etre plus precieux quune Couronne*” [5] (“Ответ мудрого Цзю также прекрасен: по закону престол должен был достаться его племяннику после смерти родителя. Все ему говорили, что из-за промедления он может потерять все. “Лей слезы, — сказал дядя своему племяннику, — оплакивай смерть своего родителя, не думая ни о чем. Хотя ты изгнан и странствуешь, для тебя великий долг сыновней почтительности должен быть дороже короны”»). Леонтьев перевел этот фрагмент существенно ближе к оригинальному тексту: «Вещание Фаня²: отшественник почитает драгоценностию только любовь к кровным своим и сожаление» [12, с. 120].

Сибо и Фонвизин кратко пересказывают фрагмент из «Чуских речей» — одной из глав «Го юй» («Речей царств»). Этот же эпизод подробно описывается в комментарии к данной главе, который был переведен Леонтьевым. Там же, в начале «*秦誓曰...*», Фонвизин делает вставку: «Увы! — возопил Му-Кинг, огорченный воспоминанием войны, безрассудно предпринятой и несчастно продолжавшейся...» [14], — отсылающую к войне, описанной в «Цинской клятве», которая отсутствует в оригинальном китайском тексте «Да сюэ». Этот же фрагмент присутствует у Сибо: “*Helas! Secrioit Mou Kong, accable du souvenir dune guerre imprudemment entreprise & plus malheureusement conditue*” [5] («Увы! Воскликнул Циньский Му-гун, опечаленный воспоминанием о войне, бессмысленно начатой и печально продолжившейся»). Данный фрагмент в оригинальном тексте «Да сюэ», а также в переводе А. Л. Леонтьева отсутствует.

Сибо и впоследствии Фонвизин могли сделать такую вставку для того, чтобы показать, что монарх не должен вовлекать свою страну в войну без веских на то оснований.

¹ Киеу — передача китайского Jiu (舅) — дядя (брат матери).

² Фань (犯) — фамилия.

В том же 11 параграфе, во втором пункте, фраза «道得眾則得國，失眾則失國» [13, с. 26] («Следуя Пути, овладеваешь народом и овладеваешь государством. Утратив связь с народом, теряешь государство») была переведена Фонвизиним как «Любовь подданных дает скипетры и короны. Их ненависть исторгает оные и преломляет» [14] и совпадает с текстом Сибо: “L’amour du Peuple donne les Sceptres & les Couronnes: fa haine les laiffe tomber ou les brife” [5] («Любовь народа дает скипетры и короны. Его ненависть низвергает и ломает их»). Леонтьев перевел ее более близко к китайскому оригиналу: «...владычествование над народом получается получением воли народной, и лишение владычествования над народом бывает чрез лишение воли народной» [12, с. 116].

В том же параграфе в третьем пункте у Фонвизина сильно изменен смысл фразы «是故君子有大道，必忠信以得之，驕泰以失之» [13, с. 35] (« В этом и заключается Великий путь благородного мужа: он должен быть верен и искренен, и тогда он овладеет Поднебесной, будучи высокомерным, он ее потеряет»): «Почто заблуждать по кривым и мрачным стезям ложныя политики, когда премудрость являет путь, толико ясный и толь прямо ведущий к достижению конца желаемого? Хочешь ли, чтоб блаженное изобилие оживляло целое тело государства и приносило теплоту здравия и чувство веселия во все оногo члены?» [14]. Этот фрагмент представляет дословный перевод Сибо: “Pourquoi segarer dans les fentires obliques & tenebreux d une fausse politique, tandis que la Sagesse montre une voie si lumineufe & si drote pour aller au but? Voulez-vous quune heureufe abundance vivifie le corps entiere de l Etatc & porte la chaleur de la fante & le sentiment du plaifir dans tous fes members?” [5] («Зачем сбиваться на кривых и темных путях ложной политики, в то время как Мудрость показывает путь, столь яркий и столь правильный, чтобы прийти к цели? Желаете ли, чтобы блаженное изобилие приносило жизнь в тело государства и приносило теплоту здравия и радости во все его члены?»). При сравнении с вариантом Леонтьева становится очевидно, что его версия ближе к китайскому оригиналу: «Ради сего есть у мужей просвещенных закон великий, получает его человек в справедливости и неколебимости, лишается его человек в гордости и неумеренности» [9, с. 124]. В этом фрагменте Сибо и Фонвизин стремились указать: для того чтобы государство находилось в благополучии и процветало, монарх должен обладать мудростью или обращаться за помощью к мудрым советникам.

В том же пункте в версиях Сибо и Фонвизина имеется отсутствующая в китайском оригинале вставка, в которой идет речь о том, что правитель не должен использовать государственные ресурсы в личных целях.

В заключение можно сделать следующие выводы.

1. При сопоставлении варианта Сибо, версии Фонвизина, оригинального китайского текста и перевода Леонтьева становится очевидно, что Фонвизин не вносил каких-либо серьезных изменений или перекомпоновок фраз, и таким образом его версия «Да сюэ» — дословный перевод текста Сибо. Также вполне очевидно, что версия Сибо и, следовательно, Фонвизина является в большей степени пересказом «Да сюэ», чем его точным переводом.
2. В процессе сравнения версий Сибо и Фонвизина с китайским оригиналом и переводом Леонтьева становится понятно, что французский перевод Сибо и выполненный с него перевод Фонвизина являются, по сути, публицисти-

- ческими произведениями, которые были написаны с целью анализа социально-политических реалий своего времени, а не дословными переводами «Да сюэ». Пьер-Марсиаль Сибо и Денис Иванович Фонвизин стремились подчеркнуть, что монарх должен быть достойным примером для своих подданных и не должен злоупотреблять своим положением. Вариант Алексея Леонтьева является более точным и близким к оригиналу переводом китайского текста на русский язык.
3. Вполне вероятно, что попытки подчеркнуть назидательно-дидактический тон «Да сюэ» могли предприниматься еще до того, как Фонвизин перевел его на русский язык. Текст был переведен на французский язык в 1776 г., в период правления Людовика XVI, короля из династии Бурбонов, последнего французского монарха старого порядка. Людовика характеризовали как честного, высокоморального и умного, но при этом крайне слабхарактерного монарха, легко поддававшегося чужому влиянию, что делало его правление непопулярным и в итоге привело к началу Великой французской революции в 1789 г. Вполне вероятно, что Пьер Сибо, находясь под влиянием идей Просвещения, пытался тем самым воздействовать на правящую верхушку своего времени.

Литература

1. *Го Можо*. Философы Древнего Китая. М.: Изд-во иностран. лит-ры, 1961. 738 с.
2. *Фэн Юлань*. Краткая история китайской философии. СПб.: Евразия, 2017. 376 с.
3. 王博中国儒学史·先秦卷. 北京大学出版社. 北京. [Ван Бо. История китайского конфуцианства. Бэйцзин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2011. 627 с.].
4. *Bayer Th. S.* Museum Sinicum In quo Sinicae Linguae et Litteraturae ratio explicatur. Petropoli: Academiae Scientiarum Petropolitanae, 1730. 387 p.
5. Mémoires concernant l'histoire, les sciences, les arts, les mœurs, les usages, &c. des chinois // Google. URL: <https://play.google.com/books/reader?id=oi8PAAAAAYAAJ&printsec=frontcover&output=reader&hl=ru&pg=GBS.PA436> (дата обращения: 02.09.2017).
6. Та-Гио, или Великая наука // Записки, надлежащие до истории, наук, художеств, нравов, обычаев и проч. китайцев, сочиненные проповедниками веры христианской в Пекине / Изданы в Париже с воли и одобрения короля в 1776 г., на российский же язык переложены в 1785 г., губернии Московской, Клинской округи, в сельце Михалеве. М.: тип. Н. И. Новикова, 1786. Т. 2. С. 100–125.
7. *Скачков П. Е.* Очерки по истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. 503 с.
8. *Фишман О. Л.* Китай в Европе — миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 543 с.
9. *Кобзев А. И.* Судьба «Да-сюэ» на Западе и в России // Синология.ру. URL: <http://www.synologia.ru/a/Судьба%20«Да-сюэ»%20на%20Западе%20и%20в%20России> (дата обращения: 02.09.2017).
10. 柳若梅等著 沟通中俄文化的桥梁:俄罗斯汉学史上的院士汉学家. 外语教学与研究出版社, 2010. 394 页 [Лю Жомэй. Связующий мост между культурами Китая и России: академики-китаисты в истории российского китаеведения. Пекин: Изд-во Вайюй цзяосюэ юй яньцзю чубаньшэ, 2010. 396 с.].
11. Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время / отв. ред. Н. Н. Дьяков, Н. А. Самойлов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 391 с.
12. *Леонтьев А. Л.* Сышу геи, то есть Четыре книги с толкованиями. Книга Философа Конфуциуса / Перевод с китайского и манджурского на русский язык. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1780. 125 с.
13. 大学, 中庸/译注 王国轩. 中华书局, 2006. 147 页 [«Да сюэ» и «Чжун юн» / пер. и коммент. Ван Госюань. Пекин: Изд-во Чжунхуа шуцзю, 2014. 147 с.].

14. Фонвизин Д. И. Та-Гю, или Великая наука, заключающая в себе высокую китайскую философию // Русская виртуальная библиотека. URL: <http://rvb.ru/18vek/fonvizin/01text/vol2/02articles/255.htm> (дата обращения: 02.09.2017).

Статья поступила в редакцию 12 октября 2017 г.,
рекомендована к печати 15 июня 2018 г.

Контактная информация:

Цветков Дмитрий Владимирович — аспирант; dmitry.tswetckov@yandex.ru

“The Great Learning” (“Da Xue”) text in the interpretation of Denis Fonvizin

D. V. Tsvetkov

Institute of oriental manuscripts of Russian Academy of sciences,
2, Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191185, Russian Federation

For citation: Tsvetkov D. V. “The Great Learning” (“Da Xue”) text in the interpretation of Denis Fonvizin. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2018, vol. 10, issue 3, pp. 305–314. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2018.302> (In Russian)

This paper is about first Russian translation of Chinese classical confucianistic text “Da xue” (“Great study”) by Dennis I. Fonvizin (1745–1792) — famous Russian writer, philosopher and journalist in the 18th century. Despite Fonvizin’s translation of “Da xue” is a very popular text and it is featuring in different scientific works, there still not special researches about his translation. There were two appeals to make these analyses. First appeal was made by Alexey L. Leontiev (1716–1786) student of Russian Orthodoxian mission in China, in introduction to his own translation of “Da xue”. Second — by Artyom I. Kobzev- modern Russian sinologist in his paper “Da xue’s destiny in Europe and Russia”. Purpose of this paper is in detailed analyses of translation of “Da xue” by Dennis Fonvizin. Research is based on comparative analysis of Fonvizin’s translation, original Chinese text, French version of “Da xue” by Jesuit Pierre M. Cibot (1727–1780), which was a source of translation for Fonvizin, and Russian translation of “Da xue” by Alexey L. Leontiev. It is possible that Pierre Martial Cibo attempted to emphasize didactical part of “Da xue” before Dennis Fonvizin translate this text into Russian. This paper is a first special work about detailed analyses of translation of this text by D. I. Fonvizin.

Keywords: China, source studies, textological analysis, Russian culture of the 18th century, Confucianism, cross-cultural communications.

References

1. Guo Moruo. *Filosofy Drevnego Kitaia [Ancient Chinese philosophers]*. Moscow, Foreign literature publishing, 1961. 738 p. (In Russian)
2. Feng Yulan. *Kratkaia istoriia kitaiskoi filosofii [A short history of Chinese philosophy]*. St. Petersburg, Euroasia Publ., 2017. 376 p. (In Russian)
3. Wang Bo. *Zhongguo ruxue shi [A history of Chinese confucianism]*. Beijing, Beijing university publishing, 2011. 627 p. (In Chinese)
4. Bayer Th. S. *Museum Sinicum In quo Sinicae Linguae et Litteraturae ratio explicatur [Chinese museum with description of Chinese language and literature]*. Petropoli, Academiae Scientiarum Petropolitanae, 1730. 387 p. (In Latin)
5. Mémoires concernant l’histoire, les sciences, les arts, les mœurs, les usages, &c. des chinois [Memoires, concentrate history, sciences, arts, virtue and uses of China]. *Google*. Available at: <https://play.google.com/books/reader?id=oi8PAAAAAYAAJ&printsec=frontcover&output=reader&hl=ru&pg=GBS.PA436> (accessed: 02.09.2017).

6. Ta-Gio, ili Velikaia nauka [Ta-hio or Great doctrine]. *Zapiski, nadlezhashchie do istorii, nauk, khudozhestv, pravov, obychaev i proch. kitaitsev, sochinennye propovednikami very khristianskoi v Pekine*. Izdany v Parizhe s voli i odobreniia korolia v 1776 g., na rossiiskii zhe iazyk perelozheny v 1785 g., gubernii Moskovskoi, Klinskoi okrugi, v sel'tse Mikhaleve. [Published in Paris by kings approvement in the 1776, and translated into Russian in the 1785, Moscowian province, Klinsky district, Michalyovo village]. Moscow, N. Novikovs typography, 1786, vol. 2, pp. 100–125. (In Russian)
7. Skachkov P. E. *Ocherki po istorii russkogo kitaevedeniia* [Essay of history of Russian sinology]. Moscow, Science Publ., 1977. 503 p. (In Russian)
8. Fishman O. L. *Kitai v Evrope: Mif i real'nost' (XIII–XVIII veka)* [China in Europe: Myth and reality (13rd–18th century)]. St. Petersburg, Petersburg oriental studies, 2003. 543 p. (In Russian)
9. Kobzev A. I. *Sudba Da xue na Zapade I v Rossii* [“Da-xues destiny in West and Russia”]. *Synologia.ru*. Available at: <http://www.synologia.ru/a/Судьба%20«Да-сюэ»%20на%20Западе%20и%20В%20России> (accessed: 02.09.2017).
10. Liu Ruomei. *Goutong Zhongde wenhua de qiaoliang: Eluosi hanxue shishang de yuanshi hanxuejia* [Bonding bridge between Russian and Chinese culture: academics-sinologists in history of Russian sinology]. Beijing, Waiyu jiaoxue yu yanjiu chubanshe, 2010. 396 p. (In Chinese).
11. *Rossii i Vostok: fenomenologiiia vzaimodeistviia i identifikatsii v Novoe vremia* [Russia and Orient: Phenomenology of interaction and identification in Modern history]. Eds N. N. Dyakov, N. A. Samoylov. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2011. 391 p. (In Russian)
12. Leontiev A. L. *Syshu gei, to est' Chetyre knigi s tolkovaniiami. Kniga Filozofa Konfutsiusa. Perevod s kitaiskago i mandzhurskago na rossiiskii iazyk* [Sishu gei or Four books with comments. Book 1 of philosopher Confucius. Translated from Chinese and Manchu into Russian]. St. Petersburg, Typography of Imperial Academy of sciences, 1780. 125 p. (In Russian)
13. *Da xue, Zhong yong* [“Da xue” and «Zhong yong»]. Transl. and comments by Wang Guoxuan. Beijing, Zhonghua shujiu, 2014. 147 p. (In Chinese).
14. Fonvizin D. I. *Ta-Gio, ili Velikaia nauka, zakliuchaiushchaia v sebe vysokuiu kitaiskuiu filosofiiu* [Ta-hio, or Great study]. *Russkaia virtual'naia biblioteka*. Available at: <http://rvb.ru/18vek/fonvizin/01text/vol2/02articles/255.htm> (accessed: 02.09.2017).

Received: October 12, 2017

Accepted: June 15, 2018

Author's information:

Dmitrii V. Tsvetkov — postgraduate student; dmitry.tsvetckov@yandex.ru